

П. П. БАЖОВ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

УДК 821.161.1 Бажов-З + 82-31

М. А. Литовская

«ФАБУЛЬНЫЕ КРЮЧОЧКИ И ПЕТЕЛЬКИ»: ПОЭТИКА КОМПРОМИССА В ТВОРЧЕСТВЕ П. П. БАЖОВА*

Рассматривается своеобразие творческого поведения П. П. Бажова, анализируются причины успеха писателя у профессиональных и непрофессиональных читателей, показаны различные способы жанрово-стилевой организации текста, помогающие писателю обойти цензурные препоны, реализовать альтернативный вариант истории Урала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература XX в.; беллетризованная история Урала; П. П. Бажов; советский конформизм; художественный историзм.

П. П. Бажов, являющийся для русского Урала своего рода «гением места», занял в отечественной литературе уникальное положение человека, чьи художественные тексты были восприняты как приемлемые для советской власти в период самого жесткого идеологического надзора, оказались созвучны представлению жителей региона о себе и своем месте в мире, органично вписались в историю развития отечественной словесности, благополучно пережив смену общественного строя и доминирующих культурных парадигм. Причина этого редкого совпадения лежит, на наш взгляд, как в сугубо эстетических достоинствах бажовских сказов, так и в сложившейся на протяжении жизни писателя творческой стратегии, позволившей ему при жизни органично балансировать между государственными требованиями и насущной потребностью аудитории, а его текстам занять нишу нестареющей классики — главного представителя Урала в мировой культуре более чем через полвека после их создания.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-23-08002 «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция “левой идеи” в период с середины 1920-х — середины 1950-х годов».

Бажов, родившийся в семье рабочего в 1879 г., получил типичное для гуманитарно одаренного мальчика из социальных низов духовное образование и стал преподавателем словесности. Когда подошло время революций, он начинает заниматься политической деятельностью: поддерживает эсеров, потом большевиков, работает в «подполье», выпускает газету, налаживает народное образование на Алтае, а после возвращения на Урал в 1921 г. ведет журналистскую и редакторскую деятельность, занимая в том числе и непростые административные посты заведующего отделом писем «Крестьянской газеты» и начальника Уралобллита.

Судьба, постоянно сталкивая Бажова с кардинальным несовпадением социальных ожиданий и наличной реальности, сформировала у него выношенную мировоззренческую установку, определившую, среди прочего, и писательские приоритеты. Непреходящими ценностями для него стали оседлость, привязанность к месту своего жительства, крепкая семья, умение продуманно и с отдачей выполнять свою работу. Убежденность в том, что локальное является частным случаем универсального, что человек не только формируется местом и временем, но сам формирует место и время, что свое видение мира необходимо последовательно отстаивать, лежит в основе всего творчества Бажова.

Бажов обратился к профессиональным литературным занятиям, когда ему было уже за сорок, и досказовое его творчество носило, на первый взгляд, конъюнктурный характер. Он начинает с очерковых книг на исторические темы. «Уральские были. Из недавнего быта Уральских заводов» (1924), «За советскую правду» (1925), «К расчету!» (1925), «Пять ступеней коллективизации» (1930), «Бойцы первого призыва» (1934), «Формирование на ходу. К истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка» (1936) — все эти книги современным читателем воспринимаются как типичная актуальная журналистика, где автор занят беллетризацией спущенных сверху тезисов об обязательности изображения тяжелой жизни рабочих до революции, нарастания революционных настроений в фабрично-заводской среде, триумфального шествия советской власти и преодолимых трудностей строительства нового социалистического хозяйства. Можно было бы ограничиться подобными интерпретациями, но комментарии Бажова к его собственным книгам и возможность ретроспективно оценить сделанное им в контексте как эпохи в целом, так и дальнейшего его творческого пути, позволяют уточнить прямолинейные оценки.

Бажов осознавал социальную ответственность писателя и — что немаловажно, — видимо, не испытывал особых иллюзий по поводу независимости литературного творчества. Он честен перед собой, сдержанно оценивает свои возможности, но при этом последовательно ведет одну линию, всеми доступными и возможными средствами привлекая внимание читателя к важным для себя проблемно-тематическим поворотам. Сам имея цензорский опыт, правя письма раб- и селькоров, сочиняя заметки в газеты, Бажов понимал важность балансировки между открытостью авторской позиции и возможностями, предоставляемыми литературным полем, между частной честностью пишущего и жесткими государственными требованиями. Поэтому такое место в его творчестве занимает поиск форм, позволяющих

в наличных условиях выразить то, что он считает значительным, даже если оно идет вразрез с сиюминутными политическими установками.

Ценность первых книг при нашем повороте темы состоит в том, что они позволяют увидеть, как журналист ищет возможности выйти за пределы выполнения актуального заказа, чтобы выразить важное для себя содержание. Сам Бажов в конце творческого пути свои первые книги не без иронии именовал «простейшим мемуарным родом, — “чему свидетель я в жизни был”», «продукцией летописного порядка» [Батин, с. 48]. Так, книгу «Уральские были», имеющую подзаголовок «Из недавнего быта Сысертских заводов», содержащую богатейший исторический материал, Бажов начинает с бытовой зарисовки, тема которой — очередное временное увольнение отца с завода. Это отвечает условиям рассказа о прошлом, создаваемого для советского издательства, где в воспоминаниях человека из рабочей среды важно было показать тяготы жизни пролетариев в дореволюционной России.

При этом в название книги включена жанровая номинация «быль». Содержательность этого жанра предполагает ряд условий: историческую дистанцию между временем действия и временем создания текста, ориентацию на локально ограниченный, известный немногим материал, неразличение реально бывшего и вымышленного вплоть до фантастического и, наконец, установку на коллективную культурную память. Автор последовательно придерживается «коллективной» точки зрения, противопоставляющей интересы рабочих и «бар», скрывая за авторитетной позицией народа свой взгляд, в том числе и на острые идеологические проблемы.

Последующее досказовое творчество оказалось куда более жестко сковано актуальными политическими требованиями. К первой книге были добавлены недостающие с точки зрения государственно-партийных органов фрагменты: изображение не просто спонтанного недовольства уральских рабочих происходящим на заводах, но также их политической борьбы за свои интересы, по сути, последовательный рассказ о революционном движении в одном из регионов России. Бажов книгу с вынесенным в заголовок ключевым для классовой борьбы на Урале понятием «К расчету!» выпускает, но акцент делает не на личных воспоминаниях и преданиях, а на разного рода официальных свидетельствах. Так же дисциплинированно, но сдержанно будут написаны последующие его очерковые книги.

Бажов, принимая заказ, заведомо не должен был нарушать предложенную заранее партийную интерпретацию событий. Единственное, что он мог допустить, — показать внутренний зазор между нею и позицией свидетеля, публицистически выравнивая бывшее — то, что вспомнили повествователь и его информанты, — и должное. Бажов-повествователь наблюдателен и достаточно честен, поэтому картина, созданная им, в любом случае многограннее им же проведенного ее толкования. Он старается соблюсти полноту в описании социальной реальности прошлого (экспроприации, рейды карательных отрядов с обеих сторон и т. п.), одновременно пропагандистски сухо оправдывая все действия красных в соответствии с политической конъюнктурой середины 1930-х гг. Тогда же он на собственном опыте убедится в опасности такого подхода: в случае смены

политического вектора в тогдашних условиях «из оборота» изымалась не только книга, но и ее автор.

На известное внутреннее сопротивление «заказу» Бажов указывает, характеризуя жанровую природу своих «заказных» книг как исторический очерк: «Род литературы, в котором я работаю, это исторический очерк. Писать документальную историю полка я не берусь» [Бажовская энциклопедия, с. 529]. Противопоставление «истории» и «очерка» подчеркивает специфичность той жанровой формы, которая казалась Бажову в тот период наиболее адекватной его возможностям как литератора. Бажов был опытным партийным журналистом, а до этого его готовили к карьере священника и, конечно, он отчетливо осознал, что история предполагает цельную концепцию, которая не столько определяется видимой автором «объективностью», сколько изначально задается «сверху». Документальные факты, так или иначе, автору приходится непротиворечиво в нее вписывать. Обязывающей жесткости Бажов стремился избегать, предпочитая жанры с заложенной в них установкой на описание события, а не на его однозначное концептуальное осмысление.

Возможно, именно поэтому Бажов постоянно говорит о «мемуарности» (= подчеркнутой субъективности) своих книг. Поэтому же он настаивает на очерке, жанре более свободном, допускающем и субъективность, и прерывистость изображения, и неполноту предлагаемого читателю знания. Объяснения, данные Бажовым уже в первой его книге, подчеркивают принципиальную неполноту его знания, не дающую права на окончательные выводы: «...мне за детские годы пришлось пожить — и не по одному разу — во всех заводах Сысертского округа. Не порывал связи с заводами и потом, хотя надо сказать, что эта связь была случайной. Знал лишь о выдающихся фактах заводской жизни: о смене начальства, о крупном недоразумении с рабочими, о каком-нибудь заводском “казусе”. С такой внешней стороны жизнь Сысертского округа была мне известна приблизительно на протяжении тридцати лет... Многое из этой жизни, как я убедился, было типичным для всего горнозаводского Урала, поэтому я и решаюсь воспроизвести сохранившиеся в памяти обрывки картин заводского быта за последние три десятка лет перед революцией. Должен оговориться, что постоянного касательства к заводскому делу я никогда не имел, поэтому многое, может быть, очень важное, ускользнуло от моего внимания» [Бажов, 1952, т. 3, с. 10].

Бажова активно привлекают к созданию советского варианта истории края. Он целое десятилетие отдает выполнению этого задания, пока не предпринимает редкую по тем временам попытку пойти вразрез с официально навязываемой интерпретацией, создав свой вариант «уральского» нарратива, опираясь на иное, чем в государственном варианте, основание — коллективную память.

В 1930-е — первой половине 1940-х гг., когда П. Бажов как писатель работал наиболее активно, несовпадение коллективной памяти с историей как нарративом проявлялось особенно отчетливо, т. к. в этот период шло открытое формирование новых общественных стереотипов, которые должны были обуславливать возникновение в коллективном сознании схематизированных образов разнородных

явлений. В частности, непротиворечивую целостную «картину прошлого» создавали и поддерживали символическими скрепами, постоянный повтор которых делал незаметными отбор значимых исторических фактов, а также их иерархическое выстраивание. В итоге формировалось совокупное представление о прошлом, которое на определенном этапе начинало восприниматься значительной частью общества как естественное [подробнее см.: Добренко, с. 266–306].

Бажов всю творческую жизнь собирал данные по истории Урала, многое помнил сам, сопоставление знания с известным по литературе, как до-, так и послереволюционной, судя по всему, вызывало у него глубокое раздражение. По мнению писателя, события прошлого и настоящего постоянно подвергаются переосмыслению, искажающему и принижающему прошлое. Не случайно в письме к Л. Скорино он пеняет ей, что хорошо бы при анализе его биографии «сконцентрировать внимание на малоизвестном материале и среде, которая в прошлом освещалась неправильно» [Бажов, 1955, с. 157]. Это неправильное может быть обусловлено не обязательно злым умыслом, но и несовпадением опыта пишущего и тех, кого он описывает. Так, комментируя путевые заметки Вередревского, иронизировавшего по поводу «ограниченности» провинциалов, Бажов замечает: «Дело вовсе не в ограниченности вкуса к комфорту, а в другом понимании этого комфорта» [Бажов, 1955, с. 177]. Писатель, заставший исчезающий на глазах уклад, ощущает свою ответственность за сохранение его в слове.

Воссоздание образа Урала, запечатленного коллективной и индивидуальной памятью, и становится сверхзадачей писателя. Естественная историческая память социальных групп в XX в. серьезно трансформировалась. Большую роль в этом процессе играла профессиональная историография, достижения которой в эпоху всеобщего образования, подвергаясь предварительно известному упрощению, транслировались в широкие народные массы. События прошлого отбирались и типологизировались для истории не теми, кто долгое время хранил живую память о них. Спасти воспоминания о том, что было важно для уходящей с арены истории социальной группы, можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа [Хальбвакс].

Стремление рассказать читателям о своем мире и восстановить правду взаимосвязаны, в такой постановке вопроса заложен мощный протестный потенциал. Бажов стремится актуализировать в регионе свой вариант исторических событий, основанный на собственных воспоминаниях и рассказах, бытовавших в уральских заводах, решается создавать тексты, опирающиеся на его мнение, а не на готовые интерпретации, с которыми он ведет осторожную, но неуступчивую борьбу. Он стремится сделать общедоступной, т. е. авторитетной, свою интерпретацию доступного исторического материала, для чего необходимо было найти максимально яркую форму, способную организовывать исторический материал.

В середине 1930-х гг. Бажов возвращается к материалу «Уральских былей» под двумя существенно отличными друг от друга и от всего ранее им написанного углами зрения. Первый был вполне традиционным. Бажов пишет автобиографическую повесть «Зеленая кобылка».

В автобиографической повести, рассказывающей о детях рабочих уральского завода, писатель опровергает принятое в литературе изображение жизни дореволюционных рабочих как страшное нищенское существование. Преодоление поверхностного видения истории — один из важнейших посылов бажовского творчества. Позже он объяснит, что в его повесть пришло от внутренней протестной потребности, а что — наоборот — от необходимости сделать «проходимый» текст. «Приключения мальчуганов, помощь революционеру — все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое. Хотелось по-другому показать воспитание ребят в средней рабочей семье, в противовес тому, что у нас нередко изображалось. Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в “Растеряевой улице”, в подъячевских рассказах или даже в чеховских “Мужиках”. Была и нужда, и материальная ограниченность, но ребята не дистрофиками росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа» [Бажов, 1955, с. 164].

Бажов, как видим, прекрасно понимает роль компромисса в современной ему литературе: создание текста по готовым фабульным моделям позволит не только издать его, но и помочь читателю обнаружить в нем принципиальную новизну интерпретации, по сути, включить мемуары в готовую популярную схему рассказа о детях, спасающих революционера. Однако содержательный ореол жанра не позволяет писателю достичь генерализующего результата: автобиографическое повествование слишком локализовано и недостаточно авторитетно для того, чтобы стать базой потенциальной региональной истории. Бажов хочет преодолеть ограниченность, заложенную в структуру жанра. «Хотелось бы заменить свою биографию биографией той заводской среды, фольклор и говор которой привлекли внимание читателей к вещам за моей подписью... Это гораздо важнее, чем привлекать внимание к географическим пунктам и хронологическим датам своей жизни, которая ничем не примечательна», — писал П. П. Бажов в письме Л. И. Апарникову 30 октября 1946 г. [цит по: Бажовская энциклопедия, с. 551]. Позже в рамках того же автобиографического нарратива будет создана книга «Дальнее — близкое», но сомнения писателя не снимаются: «габариты биографии», помогая уйти от predetermined публицистичности, в то же время чреватые «узкой односторонностью» [Бажов, 1955, с. 56].

Второй путь в направлении создания новой истории оказался более продуктивным. Бажов кардинально меняет используемый им жанр и начинает работать с формой сказа, которая к этому времени отошла на периферию русской литературы. Если первый сказ «Про водолазов» (1935) еще является переходным между сказом и очерком, где разрабатываются возможности новой повествовательной формы, то в последующих сказах Бажов строго разводит эти формы. В собранную им книгу сказов «Малахитовая шкатулка» включается и авторский очерк «У караулки на Думной горе», и статьи «О речевых особенностях округа и сказителя», и «Объяснения отдельных слов, понятий, выражений, встречающихся в сказах».

Специфическая сказовая художественная условность активизировалась в советской литературе в начале 1920-х гг. и была связана с выходом на историческую

арену героев принципиально нового типа [Белая]. К середине 1930-х гг. сказ отошел на периферию русской литературы, так что Бажов очевидно «запаздывал» по отношению ко всему литературному процессу, хотя появление подобной формы на фоне нарастающего доминирования авторитетного слова делало бажовские тексты более заметными. Художественный потенциал сказа позволял Бажову решить принципиально важную задачу: включить свое понимание исторических событий в границы «чужого» видения происходящего. Главной особенностью художественной структуры сказа является, как известно, его специфическая субъективность, возведенная в основной формообразующий принцип [Бажовская энциклопедия, с. 376]. В случае Бажова он базируется на имплицитном противопоставлении истории как сознательно сформированной в определенных интересах системы объяснения и группировки определенных фактов и памяти как спонтанно возникающей формы сохранения неких актуальных для индивида или группы фактов и их оценок. Идеологические требования к памяти как явлению сознания, в соответствии с советскими установками легко подвергающемуся перестройке, не были столь жесткими, как к истории. Следовательно, было возможно, зафиксировав тексты как тексты памяти, предложить существенно отличный от официального вариант описания прошлого.

Рассказчиком в сказах выступает старый рабочий-мастер. Караульщик дед Слышко, собирающий ребятишек на Думной горе и рассказывающий им увлекательные истории об их родном крае, как и другие бажовские рассказчики, относится к «заводским старикам», основной общественной функцией которых была передача социально значимой информации последующим поколениям¹. Жизненный опыт рассказчика заведомо делает значимым в глазах читателя то, что он рассказывает, ведь он является носителем уникального образа прошлого, выработанного предками современных обитателей Урала. Рассказчик Бажова наделен стремлением открыть слушателю глаза, восстановить сокрытую истину, связанную с прошлым: «Про наших Златоустовских давна сплетка пущена, будто они мастерству у немцев учились. <...> И в книжках будто бы так записано. Только этот разговор в половинку уха слушать надо, а в другую половинку то лови, что наши старики сказывают. Вот тогда и поймешь — как дело было, — кто у кого учился» [Бажов, 1952, т. 3, с. 22]. Он, по сути, является долитературным «голосом» своего сословия: «Наше семейство из коренных невянских будет. На этом самом заводе начало получило <...>. Тоже, поди, за эти годы наши семейные что-нибудь видели. И глухонемых в роду не бывало. Одни, значит, рассказывали, другие слушали, а потом сами рассказывали. Если такое собрать, много занятного окажется» [Бажов, 1952, т. 2, с. 97].

Бажов, ориентируясь на речевую манеру заводского старожилы, рассказывает историю Урала не через «историю фабрик и заводов» или народных бунтов, а через

¹ Об «институте заводских стариков» и специфике уральской несказочной прозы см.: [Бажовская энциклопедия, с. 442–449]. Себя П. П. Бажов периода создания сказов, судя по всему, хотел представить в подобном же свете, что подчеркивалось, в частности, его характерным обликом.

историю мастеров — горщиков, золотоискателей, гранильщиков, металлургов. Историческое время в рассказах, конечно, маркируется именем того, кто в тот период стоял у власти, или каким-то общенародным событием, но содержательно наполняется достижением того или иного мастера — сделанной вазой, найденным самородком, отчеканенным узором или чудесным событием, тесно связанным с Тайной Силой — персонифицированными творческими возможностями природы. Мастер, по собственной инициативе и воле осваивающий тонкости профессии, внутренне свободный, проходящий все этапы личностной реализации, жизненная философия которого основана на его повседневном опыте, до этого героем литературы не был [подробнее см.: Лукьянин; об эволюции образа мастера в творчестве П. П. Бажова см.: Жердев]. Рабочий человек, живущий насыщенно и творчески, испытывающий глубочайшие чувства свободы, тоски, ярости и радости, лишенный обывательской ограниченности, обладающий ярким незаемным словом, — Бажов показывает неидеальных героев в сложнейших жизненных ситуациях, неизменно вызывая восхищение их верностью себе. Этот социальный тип, воплощенный во множестве бажовских персонажей, получает, благодаря найденной форме, не просто возможность высказаться, но передать более молодому человеку из другого — социалистического — времени цельную и не утратившую актуальности систему ценностей.

То, что сказ выполнял у Бажова в известной степени «защитные» функции, подчеркивалось стремлением писателя выдать свои тексты за фольклорные, с опорой на народную коллективную память. Фольклористы до сих спорят, какова все же степень самостоятельности созданных писателем сюжетов. Художественные тексты вызвали подозрение как не вполне самостоятельные, и этому подозрению сам Бажов немало способствовал: и когда в начале своей деятельности как автора художественных текстов называл их фольклорными записями, и когда ближе к концу жизни неоднократно утверждал, что может писать только на основании готового «чужого» материала². Воссоздавая чужое видение, Бажов закономерно передает его рабочему — тому, ради кого, согласно официальной пропаганде, происходили все изменения в России. Сказ у Бажова становится формой выражения коллективного знания, которое в контексте времени и идеологических установок эпохи не может подвергаться пересмотру; рабочий, по крайней мере официально, считался носителем безупречно правильной точки зрения. Кроме того, в фольклорном контексте вся сказочная символика, разработанная Бажовым, отчасти сконтаминированная, отчасти изобретенная им самим, также становится более авторитетной как порождение не авторской, но народной фантазии.

Найденный Бажовым способ говорить о прошлом оказался для всех жителей Урала как нельзя более кстати, т. к. индустриализация лишила край запечатленного

² Характерны в этом смысле опасения Бажова оказаться непонятым в случае его полного отказа от фольклорной (коллективной) основы. В письме к своему биографу Л. Скорину, анализируя отклики на московское издание «Зеленой кобылки», он не без раздражения пишет, что «о главном никто даже не упоминает». И высказывает предположение, почему так произошло: «О чем это говорит? Только о том, что изучаемый Вами объект, как осенний листок, совершенно беспомощен, оторвавшись от дерева — фольклора. Беспомощен настолько, что даже редактирующие его люди не очень отчетливо понимают, что же он хотел сказать» [Бажов, 1955, с. 164]. Подробнее о фольклоризме Бажова см.: [Блажес].

в дореволюционном искусстве своеобразия. В результате модернизационной политики СССР составлявшие его регионы кардинально меняли свой облик и вследствие этого как будто теряли свою уникальность. Переустройство жизни шло очень трудно, требовало от большинства участвующих в нем сверхусилий, необходимы были опоры, которые могли бы помочь людям — как местным, так и многочисленным добровольным и насильственным приезжим — преодолеть углубляющийся социальный и идентификационный кризис. В такой сложный для Урала период П. П. Бажов создает «Малахитовую шкатулку». Текст, являющий собой образец синтеза профессионального и стихийного словесного искусства, создаваемый в формате литературы «для народа», написанный от лица людей труда, предложил доступные сознанию широкого читателя образы, созвучные представлению людей региона о себе и своем месте, возбуждающие национальную гордость и способствующие формированию региональной идентичности [Литовская, 2006]. Неудовлетворенность настоящим нередко порождает особую потребность в мифологическом обосновании общего прошлого. Не случайно в периоды национальных или региональных кризисов в качестве своеобразной компенсации создаются так называемые авторские эпосы — тексты, основанные на коллективной памяти, представляющие приемлемую для широкого круга воспринимающих интерпретацию исторического развития народа или региона и анализ его специфики. Иными словами, автор подобного эпоса творит текст, который затем выступает в обществе в качестве носителя «знаков» идентичности. Опираясь на дописменные жанры коллективного творчества, историческую науку, собственный житейский опыт, Бажов создал своего рода авторский эпос горного Урала, воспроизведя единственный по-настоящему востребованный, не навязанный, а «естественно» сформированный, а значит — легко воспринятый образ региона.

Переживший революцию и Гражданскую войну, преследования за свои политические взгляды и всеоюзную славу, Бажов явно не был радикалом в отстаивании собственной позиции. Сложная и неизбежная система компромиссов, характерная для его деятельности в качестве редактора газеты, депутата Верховного Совета СССР, председателя Свердловского отделения СП СССР, обычно именуемая мемуаристами мудростью, проявлялась и в творчестве. Незаметное, но постоянное стремление Баждова уточнить региональную историю, сделать видимым и авторитетным свое мнение о ней, предложить альтернативу тем образам, что закрепляли его предшественники и формировало современное государство, сделало свое дело.

П. П. Бажов выиграл борьбу за право памяти. Уже в первой книге очерков демонстрируя сформированное понимание цели своего литературного высказывания, он создает свой публичный образ одновременно как историка — фольклориста — автора художественных текстов с исторической тематикой [подробнее см.: Литовская, 2010]. Бажову удалось выразить ожидания аудитории, иными словами, выполнить социальный заказ. По справедливому замечанию И. Плотникова, Бажов, не претендуя на то, чтобы считаться профессиональным историком, «не следует общепринятым нормам ссылок на архивы, их фонды, единицы хранения и соответствующие листы. Тем не менее, и сейчас многие историки и журналисты

используют данные его работ» [Плотников, с. 88]. В 1930–1940-е гг. актуальной была и проблема прохождения через цензурные препоны. Тексты П. Бажова, создаваемые в формате популярной литературы «для народа», не вызвали недовольства официальной критики: он предложил ясные и доступные сознанию широкого читателя исторические образы, которые возбуждали национальную гордость и способствовали формированию регионального самосознания.

Бажов П. П. Соч. : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Бажовой и др. М., 1952. [Bazhov P. P. Soch. : v 3 t. / pod obsh. red. V. A. Bazhovej i dr. M., 1952].

Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955. 272 с. [Bazhov P. P. Publicistika. Pis'ma. Dnevniki. Sverdlovsk, 1955. 272 s.].

Бажовская энциклопедия. Екатеринбург, 2007. 640 с. [Bazhovskaja jenciklopedija. Ekaterinburg, 2007. 640 s.].

Батин М. А. Павел Бажов. Свердловск, 1983. 209 с. [Batin M. A. Pavel Bazhov. Sverdlovsk, 1983. 209 s.].

Белая Г. А. Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М., 1977. 255 с. [Belaja G. A. Zakonomernosti stilevogo razvitija sovetskoj prozy dvadcatyh godov. M., 1977. 255 s.].

Блажес В. В. П. П. Бажов и рабочий фольклор : учеб. пособие по спецкурсу для студ. филол. фак. Свердловск, 1982. 102 с. [Blazhes V. V. P. P. Bazhov i rabochij fol'klor : ucheb. posobie po spekursu dlja stud. filol. fak. Sverdlovsk, 1982. 102 s.].

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007. 592 с. [Dobrenko Ye. Politekonomia sotsrealizma. M., 2007. 592 s.].

Жердев Д. В. Поэтика сказов П. П. Бажова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 1997. 21 с. [Zherdev D. V. Pojetika skazov P. P. Bazhova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 1997. 21 s.].

Литовская М. А. Проблема формирования региональной мифологии: проект П. П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь, 2006. С. 188–197. [Litovskaja M. A. Problema formirovanija regional'noj mifologii: proekt P. P. Bazhova // Mihail Osorgin: Hudozhnik i zhurnalist. Perm', 2006. S. 188–197].

Литовская М. А. Жанровая система творчества П. П. Бажова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 434–452. [Litovskaja M. A. Zhanrovaja sistema tvorchestva P. P. Bazhova // Jevoljucija zhanrov v literature Urals XVII–XX vv. v kontekste obshherossijskih processov. Ekaterinburg, 2010. S. 434–452].

Лукьянин В. П. Труд. Характер. Время. Свердловск, 1985. 219 с. [Luk'janin V. P. Trud. Harakter. Vremja. Sverdlovsk, 1985. 219 s.].

Плотников И. Ф. Павел Петрович Бажов как политик и историк. Екатеринбург, 2004. 152 с. [Plotnikov I. F. Pavel Petrovich Bazhov kak politik i istorik. Ekaterinburg, 2004. 152 s.].

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.02.2014). [Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' // Neprikosnovennyj zasap. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 20.02.2014)].

Статья поступила в редакцию 21.02.2014 г.